

Литкультпривет!

Литературно-художественный журнал

Конкурсанты Прохоровского музыкально-поэтического фестиваля
«Встаёт рассвет над Нижним Ингашом»

8(142)

август 2024 г.

Ежемесячный журнальный выпуск Литкультпривет!

Основан 30 октября 2012 г.

п.г.т. Нижний Ингаш

Август №8 (142) 2024 г.

Юбилейный календарь

275 Александр РАДИЩЕВ

Александр Николаевич Радищев — русский писатель и философ, общественный и государственный деятель, просветитель. Автор остросоциальной повести «Путешествие из Петербурга в Москву».

В произведениях Радищева в строгие формы жития, оды или сентиментального путешествия вложено абсолютно новое, остросоциальное содержание. Он стал одним из первых авторов, открывших российской публике философские, политические и нравственные идеи

220 Владимир ОДОЕВСКИЙ

Владимир Фёдорович Одоевский - русский писатель и мыслитель эпохи романтизма, один из основоположников русского музыкознания.

Издавал ряд журналов и альманахов.

Известен как мастер фантастической романтической повести, одним из первых в России экспериментировал с жанром утопии («4338-й год: Петербургские письма»), продолжал традиции просветительской сатиры.

130 Михаил ЗОЩЕНКО

Михаил Михайлович Зощенко — советский писатель, драматург, сценарист и переводчик.

Родился 28 июля (9 августа) 1894 года в Санкт-Петербурге, умер 22 июля 1958 года в Сестрорецке, Ленинград.

Зощенко считается классиком русской и советской литературы. Остриё его сатирических произведений направлено против невежества, мещанского самолюбия, жестокости и других человеческих пороков.

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИЦИСТИКА

Алла Новикова-Строганова
«Игра с болванами».....3.

ПОЭЗИЯ

Евгений Степанов
Стихи.....8

Сергей Прохоров
Стихи.....10

Николай Ерёмин.
Стихи.....11

Елена Котова
Стихи.....18

.

ПРОЗА

Сергей Криворотов
«Исцеление».....14

КУЛЬТУРА

Нижнеингашская администрация
Фестиваль - это всегда праздник.....21

Ирина Стружкова
Фестиваль «Встаёт рассвет над Нижним Ингашом» открыл новые имена.....21

Редактор **Сергей Прохоров**
Красноярский край,
Нижний Ингаш.

Алла
НОВИКОВА-
СТРОГАНОВА

Москва

Алла Анатольевна
Новикова-Строганова -
доктор
филологических наук,
профессор,
член Союза писателей
России (Москва),
историк литературы

«Игра с болванами...»:

Грамматика коловращения в закабалённой России
(130 лет прощальной повести Н.С. Лескова)

«Встань, если хочешь, на ровном месте и вели поставит вокруг себя сотню зеркал. В то время увидишь, что один твой телесный болван владеет сотнею видов, а как только зеркала отнять, все копии сокрываются. Однако же телесный наш болван и сам есть едина токмо тень истинного человека. Сия тварь, будто обезьяна, образует яйцевидным деянием невидимую и присносущную силу и божество того человека, коего все наши болваны суть аки бы зеркаловидные тени»

Григорий Сковорода

Повесть Николая Семёновича Лескова (1831–1895) «Заячий ремиз» (1894) – одно из наиболее загадочных, зашифрованных произведений русской классической литературы. «В повести есть “деликатная материя”, – писал Лесков, – но всё, что щекотливо, очень тщательно маскировано и умышленно запутано. Колорит мало-российский и сумасшедший» .

Это последнее лесковское творение осталось при жизни писателя не изданным. В феврале 1895 г. (за несколько дней до кончины Лескова) М.М. Стасюлевич – редактор журнала «Вестник Европы», – убоявшись цензуры, отказался печатать повесть, извиняясь перед автором его же остроумной шуткой, позаимствованной из «Заячьего ремиза»: «можно очень самому обремениться <...> подвергнуться участи “разгневанного налима” <...> и непременно попадёте в архиерейскую уху» .

«Лебединая песнь» писателя вылилась под его пером в вековую мечту рус-ского национального сознания о чудесной жар-птице. В фольклоре эта сказочная птица олицетворяет волшебное заступничество. В повести Лескова мифопоэтический образ жар-птицы представлен в новом – христианском – контексте понимания и является выражением авторской ценностно-мировоззренческой позиции.

Повесть по-прежнему притягивает внимание, завораживает религиозно-нравственной и философской глубиной. Лесковский текст, основанный на Евангелии, открывает перед читателями всё новые и новые возможности для интерпретации и сотворчества. О новозаветной неисчерпаемости глубоко писал архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), называвший Лескова в ряду первых классиков, чей «чистый разум» повенчан «с глубиной сердца <...> единством воли и откровений»: «Евангелие не есть только идеальная истина для всякого мира, но и личное, всякий раз неповторимое слово, письмо Бога Живого всякому человеку в мире, – письмо, прочитываемое человеком лишь в меру его духовного сознания» .

«Заячий ремиз» впервые был издан в 1917 году – «в эти абсолютно нелитературные времена». Д. Философов сравнил выход повести в предисловии к ней с «белоснежным пшеничным хлебом русской литературы», который получили голодные физически и духовно читатели; «загробный голос Лескова прозвучал со страниц “Нивы” как призывный колокол» .

Важен также первый отклик А. Измайлова: «“Заячий ремиз” – одно из самых больных мест старика Лескова. Написал он его любовно, с огромным захватом, с великолепною своею сочностью <...> Идилличность тона и – рядом – сколько выстраданной злобы Лескова на ложное знание, которое никому не нужно, на старый подлейший

режим, когда готовы были упечь учительницу в каталажку за цитаты из Евангелия; на добровольных присяжных сыщиков, готовых продать мир за орден, падающий на перси» .

Смысл заглавия повести, которое самому автору казалось «то резким, то как будто малопонятным», Лесков в письме к редактору «Вестника Европы» объяснил следующим образом: «“Заячий ремиз”, то есть юродство, в которое садятся “зайцы, им же бе камень прибежище”» (XI, 606). К разгадке таинственного названия, возможно, приближают строки письма Лескова к его приёмному сыну Б.М. Бубнову <середина сентября 1891 г.>: «<...> “мнимый покой”. Заяц обманчивый сон!..” Именно всё это “заячий сон”, с одним закрытым глазом и хлопающими ушами от страха утратить всё, чем владеешь» (IX, 501).

Писатель обращается здесь к фольклорно-мифологической образности: к рас-пространённому представлению о том, что заяц имеет настолько чуткий сон, что спит с открытыми глазами. «Заячий сон» становится воплощением страха и трусости. Кроме того, заячья боязливость объясняется поверьем о том, что у зайца маленькое сердце: «Бог вылепил ему слишком длинные уши, а на сердце глины не хватило» .

Далее в том же письме Лесков развивает мифологический образ «заячьего сердца» в ключе христианской антропологии: созданный «по образу и подобию», человек призван преодолеть в себе животное начало, укрепиться духовно, не роняя в себе «образ Божий», который есть не только дар, но и задание человеку: «Кажись нам, что есть крепкого, – за что можно удержаться, не делаясь жертвой случайностей и чужих прихотей, часто как раз рассчитанных на то, чтобы понизить в тебе “Сына человеческого”, которого ты обязан “вознести”, и других к тому же склонить, и убедить, и “укрепить слабеющие руки”» (IX, 501). Думается, что письмо это, написанное по иному поводу, глубоко иллюстрирует концепцию «Заячьего ремиза».

Сатирическая сторона произведения: когда герою только и остаётся, что «скрыться» в своём частном сумасшествии от всеобщей невменяемости и безумия общественного устройства, – а также всё, что ведёт к расчеловечиванию, «оболва-ниванию» Оноприя Перегуда, достаточно глубоко изучены. Важнее сосредоточить основное внимание на противоположно направленном изменении «натуры» героя: на пути его возвращения от «оболванивания» к «истинному человеку», то есть божественному началу, внутреннему свету, скрытому тенью «телесного болвана», «пониженному», «жесточайше уменьтоженному» (IX, 502). Однако в герое живо сознание необходимости отыскать и «вознести» «невидимую и присносущную силу и Божество того человека, коего все наши болваны суть аки бы зеркаловидные тени» (IX, 501).

Не только эпиграф, взятый из «Диалога, или разглагола о древнем мире» Григория Сковороды (1722 – 1794), но и другие христианские идеи этого украинского философа художественно воплотил Лесков в своей повести. Основная из них: «надо идти и тащить вперед своего “телесного болвана”» (IX, 589), – то есть не позволять телесному, материальному, животному началу взять верх над «истинным» – духовным – человеком.

Получив чин в социальной иерархии чинов, будучи направлен в родное украинское село Перегуды в качестве станового пристава, Оноприй Перегуд поначалу пытался в своей полицейской практике выявить истину «по облегчённому способу» – при помощи тетрадки «Чин во явление истины», рекомендованной для допросов подозреваемых и составленной таким образом, чтобы даже невинный при таком допросе внутренне устрасался и был «готов сказать: “Виноват”» (IX, 536).

Перегуд фактически занимает ту должность, которая требует вершить «суд правый», однако, будучи сам безмерно далёк от уразумения истины, он пользуется неправыми полицейскими уловками, юридической казуистикой: «Вот эта – пожа-луйте – вам юристика!» (IX, 537). Такая «юристика» ещё более усугубляет всеобщую несправедливость и отдаляет от познания истины. «Болван» Перегуд принимает непосредственное участие в процессе «оболванивания» социально-нравственных основ жизни. При этом совесть его не мучит, он считает себя образцовым блюсти-телем порядка и являет образчик внутреннего и внешнего самодовольства. Статный, дородный становой самолюбиво восклицает: «Процвете моя плоть, а нечестивый погибнет!» (IX, 536).

Лишь к финалу повествования герой осознал, что истина является не по офици-альному прописному «чину» и не в тот момент, когда кто-то немедленно захотел её открыть. Истина без всяких «чинов» приходит всегда в своё время, и Перегуду она приоткрывается как раз тогда, когда он все свои чины потерял, очутившись в сумасшедшем доме.

Однако если в начале своей государственной службы Перегуд ещё имел чело-веческий облик хотя бы внешне: «был в процветении румяный и полный» (IX, 536), – то, поддавшись искушению службистского честолюбия, окончательно этот облик утратил, превратившись внешне и внутренне в чудовище почти инфернального плана.

Заразившись хронической «инфекцией» государственной политики – «ловитвой потрясателей основ», что «троны шатают», – Оноприй Перегуд перерождается: внутренняя метаморфоза отражается и на внешнем уровне (не раз проходит мотив зеркального отражения – «зеркаловидной тени», – заявленный в философском эпиграфе): «у меня вид в лице моём переменился <...> и стали у меня, як у тых, очи як свещи потухлы, а зубы обнаженны... Тпфу, какое препоганьство!» (IX, 546).

Перегуд, ужаснувшийся своему отражению, видит в зеркале именно то, о чём предупреждал когда-то его родителей, решающих судьбу сына, умница-архиерей. Это образ колоритный, привлекательный, симпатичный и близкий самому Лескову: «Быв по натуре своей одновременно богослов и реалист, архиерей созерцаний не обожал <...>, а всегда охотно зворочал с философского спора на существенные надобности» (IX, 521). Священник наставляет: «Ещё что за удовольствие опреде-лять сына в ловитчики! <...> “Се стражи адовны, стоящие яко аспиды: очеса их яко свещи потухлы и зубы обнаженны”» (IX, 522). Жуткий образ «адова стража» из библейской Книги Еноха настойчиво повторяется на протяжении всей истории маниакальной одержимости героя подозрительностью, шпионством, доносами, погонями за мнимыми «сицилистами» и «потрясателями

основ».

Важно отметить, что портретная деталь «зубы обнажены» не только атрибут библейского чудовища-аспида – «адова стража», но и зоологическая черта животного-го облика зайца. В поверьях распространены представления о зайце как существе опасном и связанном с нечистой силой. Перебежавший дорогу заяц сулит несчастье. Известны также былички о зайце-оборотне, наделённом демоническими свойствами, который «бросается под ноги, заманивает в чашу, преследует человека или исчезает в вихре, с шумом, хохотом или зловонием». Именно таков Перегуд в его погоне за «потрясателями».

Так подтекст повести не только снова отсылает к её названию, но и выполняет функцию трансформации фольклорных и христианских мотивов в идейно-художественной структуре повествования.

С христианской темой непосредственно связан эстетический аспект. В контексте выраженных в «Заячьем ремизе» представлений о прекрасном и безобразном важно подчеркнуть мысль В.И. Ильина, высказанную в его статье о Лескове: «Бог – источник прекрасных форм; быть безбожным – это не только значит быть безобразным, это значит умножать вокруг себя безобразие».

Перегуд в прямом смысле лишается своей человеческой сущности, окончательно сходит с ума, когда выясняется, что «дерзновеннейший потрясатель» – его собственный кучер-орловец Теренька. «О, Боже мій милій! А кто же был я? Вот только это и есть неизвестно» (IX, 581), – горестно сетует потерявший свою личность герой повести.

Свет истины потух для него. Неслучайно настойчиво повторяется портретная деталь – реалистическая и метафорическая одновременно: очи, «яко свечи потух-лы». «Светильник для тела есть око, – наставляет Христос в Нагорной проповеди. – Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло; Если же око твоё будет худо, то всё тело твоё будет темно» (Мф. 6: 22 – 23).

Перегуд-становой, погружившийся во тьму духовную, безмерно далёк от того мальчика – церковного певчего, посвящённого в стихари, – каким он был, когда «перед всеми посередь дни свечою стоял и светил» (IX, 523). Теперь он утрачивает божественный свет «истинного человека», окончательно превращаясь в телесного «болвана», тёмную «зерцаловидную» тень.

В эпизоде с молодой учительницей – «подозрительной» Юлией Семёновной («коса ей урезана, и в очках, а научена на все познания в Петербургской педагогии» (IX, 551)) – Перегуд, дабы разузнать, что скрывают тёмные очки, просит позволения посмотреть в её «окуляры» и ведёт себя почти как в крыловской басне «Мартышка и очки». В подтексте произведения возникает новое зоологическое уподобление – с гримасничающей обезьяной.

Перегуд начисто лишается своего прежнего духовного опыта, забывает Священное Писание, которому был учён у архиерея, и попадает в преглупейшее положение, когда пытается «вывести на чистую воду» стриженую, в «окулярах» Юлию Семёновну, заставляя девушку написать о том, что она думает о богатстве и бедности. Её записи, не узнав в них текстов Нового Завета: «забота века сего и обольщение богатства заглушают Слово, и оно бывает бесплодно» (Мф. 13: 22); «Не богатые ли притесняют вас, и не они ли влекут вас в суды?» (Иак. 2: 6) – становой отсылает начальству как донос.

«Вот наименее несчастный человек, который охотился за чужими “волосами”, а явился сам острижен. Какое смешное и жалкое состояние, и сколь подло то, что их до этого доводят» (IX, 582), – таково резюме автора.

Уже будучи в сумасшедшем доме, Перегуд верно трактует своё прежнее безумие, объясняя его причины «гордыней», «ненасытной жаждой славы» и «безмернейшим честолюбием» (IX, 543). Другими словами – «он впал в искушение» (IX, 538), забыв слова молитвы Христовой: «И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

Показатель духовного выздоровления – освобождения героя из сетей «бесовского наущения» (ловя «потрясателя»), он сам был пойман и запутан в «сети», подобно приснопамятному «огорчённому налиму») – следующая самооценка Перегуда: «когда я <...> вспоминаю об этих безумных мечтах моих, то не поверите, а мне делается ужасно!» (IX, 543). Импульс к освобождению из ужасающих бесовских сетей способствует торжеству истинного человека.

«Цыпленок зачинается в яйце тогда, когда оно портится» (IX, 585), – этим замечанием философа Григория Сковороды проясняется процесс, происходящий в герое: пусть он уже не годится для прежней «социальной» жизни, зато в духе его «поднимается лучшее» (IX, 585). В доме для умалишенных на грани безумия и мудрости Перегуд, наконец, начинает путь приближения к истине. Теперь он избавился от цивилизации, от общественной жизни, в которой всё было скрыто мраком, перемешано (точнее – помешано). Герой постигает добро и зло в чистом виде. У него «вырастают крылья», и по ночам он «улетает отсюда “в болото” и там высидит среди кочек цаплины яйца, из которых непременно должны выйти жар-птицы» (IX, 588).

Эпизод на «болоте» не поддаётся однозначным и прямолинейным истолкованиям. Неслучайно Лесков, предлагая «Заячий ремиз» для публикации в журнале «Русская мысль», предупреждал о том, что в повести всё «тщательно маскировано» (XI, 599).

Следует иметь в виду, что писатель и его герой великолепно знают фольклор, окружены им как элементом духовной и бытовой атмосферы. «В устных преданиях, – отмечал Лесков, – <...> всегда сильно и ярко обозначается настроение умов, вкусов и фантазии людей данного времени и данной местности», «в младенческой наивности» есть «оригинальность и проницательность народного ума и чуткость чувства».

На первый взгляд, было бы достаточно простого указания на праяснующий фольклорный образ и связанных с ним мотивов. Однако в повести Лескова имеет место процесс творческого усвоения и созидательной переработки фольклорного материала в свете религиозно-нравственных представлений писателя.

Мифопоэтическая парадигма образа жар-птицы включает в себя целый комплекс семантических и

художественных мотивировок. Устойчивая роль жар-птицы в славянском фольклоре – служить чудесной помощницей, доброй волшебной силой, побеждающей потусторонние силы противников рода человеческого, разрушающей враждебное человеку пространство. В эстетике чудесного золотой окрас оперения жар-птицы – величина постоянная – и это не только синоним огненности. Этот непрменный атрибут связан с тем, что «птица прилетает из другого, («тридесатого царства»), откуда происходит всё, что окрашено в золотой цвет» . Это «золотое», «иное царство» в народном сознании, помимо чудесного, имеет также социально-бытовое наполнение: символизирует безбедную жизнь, материальный достаток. Именно из золотых чертогов происходят «свинка – золотая щетинка, утка – золотые пёрышки, золоторогий олень и золотогривый конь» . В сказках «золото фигурирует так часто, так ярко, в таких разнообразных формах, что можно с полным правом назвать это тридесатое царство золотым царством» , – указывал В.Я. Пропп.

В мифологическом ракурсе золотой цвет соотносится с солнечным светом, по-стулируется связь «иногo царства, небывалогo государства» с небесной сферой. Жар-птица – небожительница. Ослепительное сияние, исходящее от каждого её пера, наполняет жизнь человека ярким светом, прогоняет тьму, всегда сопряженную в народном представлении с нечистой силой. Золотое светоносное оперение небесной обитательницы «золотогo царства» в христианском контексте может быть соотнесено с евангельским откровением о «золотом граде» Небесном Иерусалиме, уготованном для праведных, в котором «отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет» (Откровение. 21: 4). Символично, что «ночи там не будет»; «спасенные народы будут ходить во свете Его» (Откровение. 21: 24, 25).

Так фольклорный образ представлен в более многообразном переплетении с нефольклорным материалом, допускает возможности лирико-смыслогo «сцепле-ния» с христианским контекстом. Жар-птица символизирует божественный свет, вознесение к небу. «Жар» не только золотое сияние и свечение, но и жар неостыв-шего сердца – этого центра в православной антропологии, куда сведены все помыслы и чувства человека, устремлённого к чуду, к Богу. Неслучайно поэтому в «Заячем ремизе» настойчиво проявляется мечта о жар-птице как о чём-то недостижимо прекрасном. И если в сказке этот образ – плод народной фантазии и вымысла, то в повести Лескова он связан с глубокой верой героя. Сама возможность чуда сомнению не подвергается. Фольклорные образы переосмыслены и христиански актуализированы писателем.

Существуют инварианты русской сказки о поисках жар-птицы. В лесковской по-вести представлен новый оригинальный вариант. Герой стремится обрести жар-птицу, пытаясь высидеть на болоте цаплины яйца. Каким бы безумным ни показало-сь, на первый взгляд, это действие, всё же оно имеет под собой реальную почву – фольклорно-этнографическую основу. В.И. Даль упоминал о народном обычае раздавать «самосидные яйца»: «Самосидные яйца раздаются по паре во все крестьянские дворы, и бабы обязаны высидеть и представить за них цыплят» .

Лесков представляет собственную модификацию этнографического источника. В числе первых, кто высиживает цаплины яйца, учительница Юлия Семёновна: это и женское её призвание – дать жизнь новому существу, и убежденность в необходимости зарождения совершенных форм жизни. Прекрасная жар-птица должна явиться как духовное и эстетическое откровение «золотогo Небесного града», стать посредницей между землей и небом, совместить разные пространственно-временные пласты реального и идеального миров.

Юлия Семёновна и Оноприй Перегуд не одиноки: «там нас много знакомых, – сообщает герой, – и все стараются вывести жар-птицы, только пока ещё не выходят» (IX, 588). «Не выходят» потому, что герои в своём «мудром безумии» упускают из виду важнейшее, недальновидно полагая, что из смрадного тёмного болота – то есть мира грешного, населённого людьми животного плана, духовно неразвитыми телесными «болванами» – сможет родиться иная реальность – жар-птица – знак райского сада, золотой чудо-страны, светоносного Небесного града. Этого произойти не может ввиду того, что желающие обрести жар-птицу не Творцы и даже не праведники. Они одержимы гордыней – «матерью всех грехов» в православной аскетике. Слово 23 «Лествицы» преподобного Иоанна Лествичника направлено против «безумной гордости»: «Гордость есть отвержение от Бога, бесовское изобретение, презрение человекoв, матерь осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отгнание помощи Божией, предтеча умоисступления, виновница падений, причина беснования, источник гнева, дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, бесчеловечный судья, противница Богу, корень хулы» .

От той же гордыни – стремление высидеть жар-птицу из яиц цапли. Тем более – что эта птица в специальном зоологическом труде «Жизнь животных по А.Э. Брему» характеризуется как «злая и жадная» , памятливая на обиду; яйца её только и можно отыскать на болоте.

Истина открывается Перегуду: жар-птицы не появляются «потому, что в нас много гордости» (IX, 588). Духовное прозрение ведёт героя далее – к евангельской правде о том, что из несовершенного, греховного не может зародиться нечто совершенное. Люди пока бесконечно далеки от обожения, от заповеди Христовой: «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф. 5: 48). Но по гордыне своей многие мнят себя будущими творцами чудесных «жар-птиц». Однако «высидеть», духовно переродить «цаплины яйца» в «жар-птиц» одному человеку без Божьей помощи не под силу.

В повести несколько раз цитируется древнеримский поэт Овидий, запрещавший людям «пожирать своих кормильцев», а люди не слышат и не видят» (IX, 590). В обществе все «пожирают» друг друга, также и «цаплиным яйцом», в котором уже материализовано начало жизни, человек хочет просто воспользоваться для пропитания своего «телесного болвана», а не «высиживать» нечто духовно высшее: «Жар-птица не зачинается, когда все сами хотят цаплины яйца съесть» (IX, 589).

Перегуд видит «цивилизацию» в сатанинском коловращении «игры с болвана-ми», социальными ролями, масками: «Для чего все очами бочут, а устами гогочут, и меняются, як луна, и беспокоятся, як сатана?» (IX, 589). Всеобщее лицемерие, бесовское лицедейство, замкнутый порочный круг обмана отразился в Перегудовой «грамматике», которая только внешне кажется бредом сумасшедшего: «я хожу по ковру, и я хожу, пока вру, и ты ходишь, пока врёшь, и он ходит, пока врёт, и мы ходим, пока врём, и они ходят, пока врут... Пожалей всех, Господи, пожалей!» (IX, 589).

Здесь звучит прямое обращение к Богу – молитва за всех, характерная для мно-гих художественных творений Лескова («Запечатленный Ангел», «Очарованный странник», «На краю света» и др.). Писатель-христианин считает, что все достойны Божьей милости и жалости: одни страдают от сознания своей греховности; другие тоже по-своему страдают, потому что не ведают о собственном несовершенстве.

Приобщившись к этой истине, Перегуд «победил смерть» духовно. «Посему мы не унываем, – говорит апостол Павел, – но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2-е Коринф. 4: 16). Этот евангельский текст проливает свет на «загадку» прощальной повести Лескова.

Картина Апокалипсиса: «И взял Ангел кадильницу, и наполнил её огнём с жертвенника, и поверг на землю: и произошли голоса и громы, и молнии и земле-трясение» (Откровение. 8: 5) – развёрнута в эпилоге «Заячьего ремиза» в сцене грозовой «воробьиной ночи».

Согласно народным поверьям, «воробьиная ночь» с сильной грозой и зарница-ми – время разгула нечистой силы. Это природное явление осмыслялось в мифоло-гическом сознании также и как время, когда удары грома и блеск молнии уничто-жают нечистую силу . Под пером Лескова эта картина выливается в христианско-философское обобщение, обретает поистине универсальный, космический масштаб «небесной битвы» между добром и злом.

Громადнейшие литеры «Глаголь» и «Добро», вырезанные Перегудом, освети-лись «страшным великолепием» грозы и отразились повсюду – «овамо и семо». Две эти отдельно начертанные буквы сливаются в повелительный призыв: «Глаголь добро», то есть «Возвещай добро». Тем самым одновременно выражено требование неустанной борьбы со злом.

Так в последнем произведении «мастера» метафорически исполняется мечта самого Лескова – писателя-проповедника добра и истины, преследуемого цензурой: настоящее изобретение не печатный станок Гуттенберга, ибо он «не может бороться с запрещениями», а то, «которому ничто не может помешать светить на весь мир <...> Он всё напечатает прямо по небу» (IX, 590), на котором мечутся птицы в «воробьиную ночь».

Образы птиц связаны не только с представлением о небесной сфере и далёком пространстве. Одновременно в народном сознании они символизируют души умерших. Атрибутика смерти постепенно нарастает к финалу повествования. Но без смерти не бывает и воскресения.

Оноприй Перегуд, «в мудром безумии которого есть и поучение, и завещание, и пророчество о временах грядущих» , постигнув истину, уже не может оставаться на грешной земле, он покидает земную юдоль – тут же совершает переход «в шатры Симовы», в «иное царство» – «Небесный град», царство Истины. Он переходит в иное качество, иное – духовное – измерение.

В прощальной своей повести Лесков на новом духовном и эстетическом уровне подвёл итоги темам и проблемам, которые он разрабатывал на протяжении всего писательского пути. Духовное прозрение героя «Заячьего ремиза» знаменует и обостренную духовную зоркость самого автора в финале его творчества. Так, Лесков переосмысливает некоторые свои религиозно-нравственные представления: в частности, убеждение в том, что дело «честного писателя – служить тому, чтобы Царство Божие настало на земле как можно скорее и всеовершеннее» . Царство Божие невозможно на земле, ибо, как сказано в Евангелии: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18: 36).

Важная цель позднего творчества Лескова – подготовка человека к выходу в другую жизнь. «Всё чувствую, как будто ухожу...» – говорил писатель в одном из поздних писем . Происходит «раскрытие сердца, просветление духа, отверзание разумения» . Со смертью героя не заканчивается жизнь, он «растворён уже в других и в мире, а смерть-успение совершает свой вечный виток как смерть перед воскресением, уход перед возвращением, отчёт-ливо смыкая конец с назревающим началом» , – так поясняется семантика мотива «ухода». Поистине: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное» (Екклесиаст. 3: 1, 2).

Так завершается «томленье духа» и происходит его освобождение. Свершается паломничество человека к своему священному предназначению: «Им же образом желает елень на источники водные, сие же желает душа моя ко Богу крепкому, Богу, благодетелю мне» (VIII, 91), – Псалтырь по усопшему в лесковском «рассказе кстати» «Интересные мужчины» (1885) мог бы увенчать последнее земное творе-ние писателя – итог его религиозно-нравственных раздумий протяжённостью в жизнь.

Незадолго перед тем, как самому оставить надетую на него на земле, как гово-рил Лесков, «кожаную ризу», писатель размышлял о «высокой правде» Божьего суда: «совершится над всяким усопшим суд нелицеприятный и праведный, по такой высокой правде, о которой мы при здешнем разуме понятия не имеем» . Носталь-гия по «миру духовному» внушала Лескову веру в бессмертие души. Он приводил евангельский эпизод воскрешения Христом дочери Иаира: когда шли к дому, встречный проговорил, что она уже умерла, но «Иисус, услышав это, сказал ему: “Не бойся, только веруй, и спасена будет”» (Лк. 8: 50).

Евгений
СТЕПАНОВ

Москва

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель, кинорежиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института, Университет христианского образования в Женеве и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. В советское и перестроечное время работал в журналах «Огонек», «Столица», «Мы», «Трезвость и культура», газетах «Семья», «Совершенно секретно», «Ступени», «Крестьянская Россия» и др. Редактировал корпоративные газеты «Вестник Мосэнерго» и «Госстрах». В настоящее время издатель-главный редактор журналов «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Зарубежные записки», газет «Литературные известия», «Поэтоград», портала «Читальный зал» и других литературных СМИ. Заместитель главного редактора газеты общественных организаций МИД РФ «Наша Смоленка: Люди и дела». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» (за трехтомную монографию «Жанры и строфы современной русской поэзии»), премий журналов «Нева» и «Сура» (за стихи). Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

ИЗ РАЗНЫХ ТЕТРАДЕЙ

ДНИ

Разбежались врассыпную
Резвые, как зайцы, дни.
Делать ставку на земную
Жизнь? Да Боже сохрани.
Не ропщу и не ревную.
Обольщаюсь, злюсь? Ни-ни.

2021

РЕКА

И дома вдоль реки,
И дворцы, и смурные бараки.
А в реке окуньки,
И лещи, и пиявки, и раки.

Мчится на катерке
Молодняк, не скрывая восторга.
Искупаться в реке
Я пришел, я молчу. Я недолго...

2019

НА СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ПРАКТИКЕ
В ЖУРНАЛЕ «ОГОНЕК», 1988

Моя страна кряхтит, накрена,
Как башня нерадивая пизанская.
Давно гремит журнальная война,
Давно стучит в дома война гражданская.

Я маленький обычный человек,
Живу без героического рвения.
Мои друзья, Володя и Олег,
Мечтают, чтоб настали изменения.

Но это значит — кровь. А перед тем
Обгадят тех, кто был увенчан славой.
Я не желаю резких перемен,
Ведь будет перемена здесь кровавою.

1988

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Пока я был при должности и в силе —
Хвалили, а потом... убили.

2024

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

плохие

плохие

плохие

стихи

а критики пишут

что хорошие

2024

Сергей ПРОХОРОВ

Нижний Ингаш

*Сергей Тимофеевич Прохоров
- член Союза писателей
России, член -корреспондент
литературной академии
республики Крым, член
Международной Федерации
русскоязычных писателей,
автор более двух десятков
книг. Основатель двух
литературно-художественных
журналов: «Истоки» и
«Литкультпривет!» известных
в России и за рубежом. За
вклад в русскую словесность
и национальную культуру
награжден Международной
Федерацией орденом
«Культурное наследие».*

КАК ДАР ВЕЛИТ

Зимою ли, весною,
Как дар велит,
Пишу, а руки ноют,
Душа болит.

Пою а голос стонет,
Навзрыд звеня,
И тонет, тонет, тонет
Вся боль в меня.

В ЖИЗНИ ИСТОК

Срок моей жизни уж, видно, истёк,
Но в мир иной она не отпускает.
Ночью приснился мне Владивосток,
И остров Русский, и служба морская,

И дорогой 33-й причал –
Всей моей жизни начало начал,
Где от волнения водных стихий
Рвались из сердца на волю стихт.

Вот бы вернуться туда на денёк –
В жизни исток.

КРЫЛЬЯ ДЛЯ ДУШИ

Какими словами не крыл я
Изгибы своей мечты,
Но чувствовал всё-таки крылья
Своей высоты.

И, той высотой влеком,
Весь путь свой прошёл пешком.
Особенно не спешил,
А крылья так, для души.

КУРАМ НАСМЕХ

Обхохочутся и куры,
Рассказать, как в этом мире
Я мечтал про шуры-муры,
А случились тыры-пыры.

Что такое, не пойму –
И не сердцу, не уму,
Но ведь что-то да, ведь, было,
И не факт, что это сон.

Ржала во поле кобыла
Местным курам в унисон.
Ну, а я, наверняка,
Всё ж свалил здесь дурака –

Написал стишок сей наспех,
И себе, и курам насмех
На потеху старику:
Ко-ко-ко! Ку-ка-ре-ку!

Николай ЕРЁМИН

Красноярск

Ерёмин Николай Николаевич родился 26 июля 1943 года в городе Свободном, Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А.М.Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 г. Союза российских писателей с 1991г. и русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Кавалер Золотой медали «Василий Шукшин». Автор книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья», «Волшебный котелок», «Чучело человека». Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах, трёхтомник поэзии «Небо в алмазах». Николай Ерёмин является автором-составителем проекта «Миражисты». Лауреат премии «Хинган», «Нефритовый Будда» и «Сибирский Лев» (2019г) Победитель конкурса «День поэзии Литературного института - 2011» в номинации «Классическая Лирика». Дипломант конкурса «Песенное слово» им. Н.А.Некрасова. Награждён ПОЧЁТНОЙ ГРАМОТОЙ министерства культуры РФ.

ЗДРАВСТВУЙ, АВГУСТ!

Из будущей книги «ЗАКОН ВСЕМИРНОГО
ВДОХНОВЕНИЯ»

СОНЕТ - СТУДЕНЧЕСКИЙ РАССВЕТ

Жизнь в столице престольной была и хмельна, и трудна...
К сожаленью ли, к счастью, в те годы хватало вина...
А студентам – особенно: тяжёлый учения труд
После очно-заочного поступления в Литинститут...
Если влюбчиво сердце, и если, свободу любя,
Добролюбов и Герцен с надеждой глядят на тебя...
А дневные студентки, заметив, что ты преуспел,
Зазывают стихами в престижный ночной ЦДЛ...
Жизнь в столице богемной была весела и хмельна...
В ресторане, в буфете – известные всем имена!
И у каждого - место, и свой деловой интерес...
И такси у подъезда...И «Волга», и свой «Мерседес»...

Где вы? - после застолья, - рассветы студенческих лет?
Эх, была б моя воля! – да вас, к сожаленью, нет!

В давней незабытой стороне
На высокой крепостной стене
Ярославна плачет обо мне...
Слышу – наяву или во сне?
И скачу к ней – тенью по Луне
И стене... На сказочном коне...

ОКТАВА ПРО СЛУЧАЙНЫЕ СТИХИ

Волшебник я! По крайней мере,
Мой карандаш – сильнее чернил!
Я сочинил – и сам поверил
В то, что случайно сочинил...

И не случайно – что есть сил –
Вновь карандаш я очинил...
Чтоб забывались все грехи...
И чтоб сбывались все стихи...

ТРИУМВИРАТ

Покуда на ногах стоим,
Покуда на судьбу не ноем,
Мы – если захотим, строим
Там, где ещё чего-то стоим...
И друг за друга постоим!
Триумвират непобедим.

ПЕСЕНКА ДЛЯ ГАВАЙСКОЙ ГИТАРЫ

Закурю гавайскую сигару,
Обниму гавайскую гитару –
И сыграю что-нибудь, да так...
Чтобы все красавицы в округе
В страсти удивились, вскинув руки:
«Где ты раньше был, скажи, чудак?»
И пустились бы со мною в танец...
Ну, а я, как будто б иностранец,
Лучшую из лучших выбирал...
Как работороговец на базаре,
Предлагал лететь бы на Гавайи
И в Гавану ехать предлагал...
Но иду весенним Абаканском...
Кто готов моим поверить сказкам,
Слушая, как свищут соловьи?
Где моя гавайская гитара?

Где моя гаванская сигара?
Где вы, где, красавицы мои?

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Над кладбищем трезвонят целый день
Колокола... Безумствует сирень...
Беседуя со мной из-под земли,
Безмолвствуют родители мои...

Когда мне в жизни счастья не хватало, -
Летел я к морю...
И оно спасало!
Я все заботы сбрасывал за борт –
И плыл на корабле
За горизонт...
И возвращался с песней:
- Ай, лю-ли...-
Домой, к другому берегу земли...
О, милые крутые берега!
Где каждая песчинка дорога...

Старуха вспомнила, что женщина она.
И что была когда-то влюблена...
И - написала гениальные стихи
Про все свои любовные грехи.
И заявила всем, кто ходит в Интернет:
- Нет! Я – не поэтесса! Я – поэт!
Из романа «Прощай, спиртное!»

СОНЕТ ПРО 100 ГРАММ ПО УТРАМ

И снова наступило утро...
«Жизнь – сурдокамера абсурда» -
Как Некто некогда сказал,
Когда серьёзно завязал.
...Но ты, пришедший на вокзал
Алкаш, который развязал,
100 грамм в буфете заказал
И Музе выпить приказал.
Она ж сказала: - Ай лав ю!
Я с незнакомцами не пью...
- Да я – известный всем поэт!
- Нет, я не знаю вас...Нет-нет!
Палёной водкой – стыд и срам
Опохмеляться по утрам!

Грандаксин и амитриптилин –
Средства для алкающих мужчин.
У которых – Ах! – стакан в руке,
А душа томится в тупике...

Видишь? – девы, точно Евы, всюду, ишь –
Рыщут-ищут райские места...
...Как счастливыми их сделаешь?
А несчастными – пожалуйста!

СТРАХ

Я боялся высоты...
Я боялся глубины...
Я боялся красоты...
Ты! Во всём виновна ты...

Всю-то жизнь мы толкли в ступе воду
Про суму, про тюрьму и свободу.
Жизнь прошла... Ни тюрьмы, ни сумы.
Все свободны. Но мы – это мы!

Я, человек,
Несчастное создание,
Из под-сознания вышел в сферу знания,
Став кандидатом, доктором наук...
И захотел подняться в над-сознание...
Но, обезумев, потерял со-знание –
И в под-сознание
Вновь очнулся вдруг...

С ТЕХ ПОР

Я был когда-то сумасшедшим,
Но вовсе не был дураком...
И, счастья в жизни не нашедший,
Я не жалею ни о ком,

Кого любил и разлюбил
Тогда, когда безумным был...
И каждому с тех пор, - Эх, ма! –
Не занимаю я ума

...

ТЕАТРАЛЬНЫЙ КРИЗИС

1.
Я пил вино и звал поющих – пить,
И петь, и что угодно, говорить...
И пел – и мне в восторге подпевали...
Такое можно повторить едва ли...

Гостей полно...И рюмки вновь полны...
Но пьющие – такие молчуны...

2.
Все тексты забыты.
Мы пьесу играем без слов –
Напиты и сыты,
Похожи на глупых ослов,
Которым не нужно
Ни вправо, ни влево идти...
Лишь прямо – чтоб в луже
Своё отражение найти...

3.

ПАСТОРАЛЬ

Вот над речкою - вербы склонённые,
Где кувшинки играют с волной...
Где, как в песне, когда-то, влюблённые,
Мы на лодочке плыли с тобой...
Вот знакомая старая мельница...
Вот и лодочка...Всё по уму...
Всё, как было. И только не верится
Отраженью в воде моему...

ВАЛЬС

Слышу музыку я повсеместно –
В вальсе кругом идёт голова...
Только музыка - ах, бессловесна,
Не нужны ей земные слова, -
Огоньками украсив аллею,
С танцплощадки, мерцая, звучит...
Я смотрю - и пою, и смелею...
У танцующих радостный вид.
Вспоминаются девушек лица:
- Что сидишь? На меня посмотри!-
И веселье всё длится и длится...
Раз-два-три...Раз-два-три...Раз-два-три...

ЧЕТЫИ МИНЕИ

Все те, кто слышал голос Бога,
Ума лишались...И, увы,
Предпочитали жить убого –
Вне мира и людской молвы...
Как повелел им Бог-отец,
Чтоб стать святыми, наконец...

В ГОРУ

В гору, в гору...Спасения нет.
Крут на кладбище хвойный след...
Где под гробом навстречу слезам
Раскрывает землю Сезам...
А потом - у всех на глазах –
Закрывает, увы и ах...

МЕТАМОРФОЗЫ

Младенец, мальчик-сорванец,
Молодожён, отец, вдовец...
Нет, старец, нет, живой мертвец...
Нет, настоящий, неживой -
Увы, под Солнцем и Луной...

СОНЕТ ПРО БОЖЬИ ОДУВАНЧИКИ

У каждого свой взгляд на одуванчики.
Рей Бредбери любил из них вино...
А генерал Петров, напившись водки,
Любил, увы, приказывать солдатам
Искоренять их - «Всех до одного!»
Художник Вольнов рисовать любил их
Когда они, как солнышки, цветут...
Когда седеют вдруг – и вдаль по ветру
На белых парашютиках летят...
Я был вчера на выставке его
И понял, оглядевшись, выражение,
Увы, «Старушка - Божий одуванчик»
Когда бродил по Дому офицеров
Среди солдат, старушек и картин...

Дожился! Где желанная свобода?
И верный друг, и сокровенный брат?
Над головой - «Нет выхода!» «Нет входа!»-
И днём, и ночью фонари горят...

СОНЕТ ПРО СЛЕД

Тогда вдоль Питерских дворцов
Бродил влюблённый Ник Рубцов –
Восторженный, слегка поддатый,
Ни перед кем не виноватый...
А с ним – красавица одна
Хмельна и тоже влюблена...
А вдоль Невы, пока могли,
Дружинники за ними шли...
...И что? Где муза и поэт?
И почему пропал их след?
Вновь – от моста и до моста –
Классическая пустота,
В которую - за рядом ряд –
Львы одинокие глядят...

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СОНЕТ

Все новости про Этот и Тот свет
Я знаю: кто – прозаик, кто – поэт.
Кто был, увы, героем по труду,
Кто притворялся и пиналбалду...
Кто жил в овсянках, кто в столицах жил,
Кто обессилен, кто в избытке сил...
Кому светила окнами тюрьма,
Кто сам светил сквозь горе от ума...

Соединяя Этот и Тот свет,
Сказав себе: - Альтернативы нет –
А ведь была! Всегда она была
В душе и вне...Такие вот дела.
И если не клинический дурак,
То каждый понимал: кто друг, кто враг.

ОКРАИНА

Я валялся в траве, я валял дурака...
Облака отражая, струилась река...
И я плыл беззаботно, теченьем влеком...
И я пел, и остаться хотел дураком...
С той поры неспроста обмелела река –
И никто здесь не хочет валять дурака...
Потому что вблизи, на обрыве крутом,
Был построен, увы, настоящий дурдом...
Чтоб оттуда желающий мог свысока,
Посмотреть, как куда-то летят облака...

Друзья становятся врагами,
Впадая в старческий психоз...
Воспоминания – кругами...
Кто бросил камень? – не вопрос...
И что мне делать? Как мне быть -
Себя с собою примирить...

ПОЛУСОНЕТ О ПОЭЗИИ

В стихах поэзия – то есть,
То нет её, однако!
Куда девается, Бог весть,
Задира-забияка?
Откуда? Сколько раз в году?
А я её всё жду и жду –
На счастье или на беду...

СОНЕТ ПРО ПЕГАСА

Пегас идёт – не портит борозды...
А уж когда летит – то весело, на диво...
На крыльях – от звезды и до звезды
Несёт вино Кубанского разлива...
А может быть – Кубинского... И все,
Кто ждёт и восседает на Парнасе,
Поют и пьют, венком себя украсив
Из лавра... Музы – ах, во всей красе! –
Им подпевают хором а капелла...
Влюблённые, - Кому какое дело –
В кого? На время? Или навсегда?
И вновь – вином становится вода...
А друг Пегас готов – вот это да! –
Лететь вперёд и с песней, хоть куда...

Как хорошо – узнавать что-то новое!
И забывать всё плохое и старое...
Вот и цепляюсь за каждое слово я –
Невоплощённое и небывалое...

Николай ЕРЁМИН 2024 гКрасноЯрск

**Сергей
КРИВОРОТОВ**

Астрахань

Криворотов Сергей Евгеньевич родился в 1951 году. Образование высшее, работал врачом-кардиологом. С 2011 года полностью перешёл на литературную деятельность. Автор книг «Корзинка с именами» («Edita gelsen», г. Гельзенкирхен, Германия, 2014), «Ромео может не успеть» (изд-во Стрельбицкого, г. Киев, Украина, 2017), «Дочь Леса» (ИД «Городец-Флюид» г. Москва, Россия, 2020). Автор свыше 270 литературных публикаций в российской и зарубежной русскоязычной периодике: в журналах «Техника — молодёжи», «Чудеса и приключения», «Работница», «Поиск» (Москва), «Полдень. XXI век» (Санкт-Петербург), «Южная звезда» (Ставрополь) и многих других; в коллективном сборнике «Фантастика-86». Серебряный лауреат Второго Международного литературного конкурса «Золотое перо Руси» в номинации «Сказка» (2006). Серебряный призёр литературного конкурса журнала «Нива», город Астана, Казахстан (2010) в номинации «Короткий рассказ». Живёт в Астрахани.

ИСЦЕЛЕНИЕ

Чувство выздоровления —
одно из самых сладостных.
Александр Пушкин

Дни шли за днями, сливаясь в его больном нарушенном восприятии в огненные круги перед глазами, катящиеся через бездны мрака и беспамятства. В эти ничего не содержащие в себе пропасти чёрной пустоты он головокружительно проваливался, долго летел в них, обливаясь липким потом. Налитые чугуной тяжестью ладони падали в никуда рядом, как бы отделёнными от его лишённого плоти тела. И чем глубже и дольше длились эти непрекращающиеся падения, тем отчётливее ощущалось леденящее приближение смерти. И тогда каждая живая частица распадающейся личности, вопя от ужаса перед неодолимой неизбежностью, карабкалась к свету из последних ещё остававшихся сил, цеплялась за края крошащейся жизни.

Между этими провалами в ничто случались редкие промежутки просветления, когда болезнь отпускала его разум, и он заново начинал постигать окружающее, словно в первый раз учился читать. Ему казалось, его сознание существует вне времени, которое внезапно утратило обычную линейность, искривилось и смялось, стало прерывистым, не поддающимся никакому измерению. Непостижимым образом минуты превращались в недели и месяцы, дни сжимались до нескольких вздохов, а часы вовсе исчезали в этой круговерти, словно бы их и не было вовсе.

Чаше для его восприятия оказывалась недоступной в полном объёме даже комната вокруг, поле зрения сужалось до кровати, на которой он постоянно находился. В этот круг света внезапно прорывались лица родных и близких, но теперь он не мог не то что верно различить их выражение, но даже путался — кому конкретно они принадлежат в действительности. Он не мог уверенно определить: реальны они или видятся через искажённую болезнью призму памяти? На тумбочке у изголовья появлялись новые упаковки лекарств, вызывая неодолимое отвращение одновременно со слабой надеждой на возможное исцеление. В мгновения, когда он мог отдавать себе отчёт в происходящем, он и сам сомневался, служат ли все эти таблетки и микстуры поддержкой и заслоном от терзающего недуга или же, напротив, открывают перед ним путь в никуда, откуда уже никак не вернуться.

Кровать стала для него сосредоточием оставшегося доступным узкого мирка, единственным его вместилищем, в котором лишний глоток холодной воды, разжимающий цепкую хватку жажды, становился неизъяснимым блаженством, целью всего существования. Всё окружающее казалось условным, нереальным, как бы пунктирно обозначенным в туманной дымке. Тогда как главным и наиважнейшим становились собственные внутренние переживания, ощущения, нечётко маячившие в сознании, не поддающиеся определению. Огненные круги сумасшедшей колесницей вновь неслись перед его глазами сквозь всеохватную ночь, а подлинная реальность отступала, катилась к чёрту, отстраняемая воспалённым восприятием.

Будто бы и не было за стенами давно привычного большого и разнообразного мира, в котором находилось множество знакомых

и не знакомых, не похожих друг на друга людей, в котором он и сам жил до этого прикроватного существования. И всё же, иногда этот огромный внешний мир настойчиво прорывался к больному, преодолевая попытки последнего отгородиться от всего, остаться наедине с болезнью. Новые лица, звуки, предметы... Однако, всё это почти не доходило до затемнённого сознания, хотя тот реальный мир ещё продолжал жить раздробленным в его воспоминаниях, напоминая о себе, звал вернуться туда. Его образы ломались, дробились, искажались, но оставались живыми. Они срывались с потрескавшихся от жара губ полузабытыми именами, как жёлтые листья или испуганные птицы с ветвей осеннего сада.

Боль, как теперь казалось, присутствовала всегда. Существование без боли уже представлялось невозможным. Она служила напоминанием жизни, не верилось, что прежде её просто могло не быть. Мир без боли остался за пределами его полностью захваченного болезнью мирка. Иногда боль нарастала, пульсировала, билась, как набухшая вена, с ударами сердца, с каждым вздохом. Ощущение её усиливалось до бесконечности, затмевало глаза, передавалось по телу с током крови. Больной бессильно скрипел зубами, хрипло кричал невразумительное, вырываясь из успокаивающих рук сиделки. Бросал в пустоту страшные проклятья и ругательства, адресованные неведомо кому. Возможно, проклинал жизнь, давшую такую боль, или смерть, упорно не приходившую с облегчением. Иногда боль постепенно утихала сама, иногда вдруг резко уменьшалась после укола иглой шприца, но никогда не проходила совершенно. И он смирился с её наличием, как с постоянной жаждой, как со странно пустым воздухом, которым никак не мог наполнить грудь.

В недолгие минуты просветлений, когда ничто поразительно не беспокоило и не отвлекало внимания ни изнутри, ни снаружи, он размышлял о вероятном скором конце. Не только своём, но и о возможном для всего человечества. Его ужасала перспектива стать ничем, неодушевлённой горсткой праха. А неизбежность отдалённой гибели земной цивилизации придавала в его глазах бессмысленность любой человеческой деятельности. Собственная жизнь на фоне вероятной в будущем глобальной катастрофы казалась никчёмной, никому не нужной. Эти мысли настолько занимали его в эти моменты, что временами переходили в навязчивый бред. Он видел то страшное пламя атомного апокалипсиса, то лунные горизонты, достигнутые людьми, принимая всё за явь, картины которой прерывались лишь новой вспышкой боли.

И вот однажды стало совсем плохо. Падение в пропасти длилось бесконечно. Лишь изредка тьма урывками расступалась, и в тумане окружающего всплывало чьё-то озабоченное лицо, склонившееся к нему. Но тут же он снова проваливался куда-то с противно замирающим сердцем, и всё путалось в голове, растворяясь в пустоте, уступая место катящимся огненным кругам.

Это была ночь сплошного кошмара и безостановочного липкого пота. Ночь, наполненная его хриплым дыханием и невнятным бормотанием, рвущими тишину. Это была ночь жара и холода, ночь кризиса и ожидания исхода. В эту ночь настал перелом. И когда под утро он наконец впервые забылся крепким спокойным сном, окружающим стало ясно, что болезнь отступила.

Новый день принёс с собой новизну восприятия. Он лежал на кровати, удивлённо озираясь по сторонам, находя повсюду знакомые и незнакомые черты, прислушиваясь к происходившему в нём самом. Голова оставалась ясной, как никогда, во всём теле обнаруживалось стойкое ощущение лёгкости и праздника, словно заново рождаешься на свет. Но главное, что он понял не сразу, боль впервые за долгое время полностью оставила его.

Из открытого окна доносились пьянящие звуки большого мира, он ощущал их не только слухом, но всей поверхностью кожи. Ему казался понятен теперь даже язык птиц, радостно галдевших о весне на зазеленевших ветвях сада. Он почувствовал свою неразрывную связь со всем творящимся снаружи, осознал себя частицей этого чуда. Ощутил во всей полноте, до чего прекрасна эта жизнь, необыкновенный дар природы, которого чуть было не лишился из-за болезни. И только тогда понял, что окончательно исцелился.

Ему захотелось встать, подойти к окну, но сил хватило лишь повернуться на бок и смотреть на кусочек ясного неба в раме окне. Он лежал так, пока снова не заснул, и сон его оказался светлым и счастливым сном обновлённого человека.

Теперь окружающее стало восприниматься с необыкновенной остротой. От внезапно появившегося зверского аппетита до жгучего тепла заглядывавшего по утрам в окно солнца. В нём пробудился художник, поэт, музыкант, ребёнок. Только глаза подмечали всё внимательно по-взрослому, музыка и рифмы рождались в голове, неуёмная любознательность выплёскивалась на мир вокруг. Каждый новый день помогал ему стряхивать с себя остававшиеся лохмотья болезни, придавал всё новые силы.

Когда же он смог самостоятельно выйти в сад, ему показалось, что всё радостно приветствует его возвращение — от зелени деревьев и молодой травы до криков далёких электричек. От обилия воздуха и солнца кружилась голова. Всё виделось им теперь иначе, чем прежде, словно болезнь придала свежесть взгляда, обновила все чувства. Только после того, как он заглянул во тьму смерти, перед ним открылась вся прелесть продолжающейся жизни.

Болезни больше не было. Он вернулся к своей работе, ища и в ней скрытые источники радости. Но эти старания не увенчались успехом. Он вернулся в большой мир, ожидая встретить обновлённую жизнь, готовый к ней. Но мир этот оказался старым. Работа засасывала без остатка, вернула на своё прежнее место в череду

серых унылых будней, не различимых между собой. Он чувствовал в себе силы создать что-то значительное, необыкновенное, ни на что не похожее, о чём говорило бы не одно поколение после его ухода. Но всё больше зарывал эту возможность в бесконечной производственной текучке.

С каждым днём обретенная им с уходом болезни острота восприятия притуплялась всё больше. Словно на его глазах только что открытый широкоформатный красочный и объёмный мир превращался в плоскую чёрно-белую фотографию. Он ещё радовался случайно встреченной улыбке, теплу искреннего пожатия руки, волнующему женскому поцелую, но каждой клеткой всё больше ощущал, как быстро теряет своё ненадолго обретенное сокровище.

Настал день, когда окружающий мир уже ничем для него не отличался от той же унылой комнаты, в которой он оставался наедине с болезнью.

В недолгие минуты рабочего перерыва он присел на ступени бетонной лестницы набережной у самой воды, спрашивая себя: неужели только болезнь могла дать такую прекрасную временную иллюзию? И утрата её на самом деле означает лишь окончательное выздоровление?

Если бы имелось время посидеть подольше вот так, роясь в грустных воспоминаниях, неизвестно, до чего он мог бы ещё додуматься, но время перерыва закончилось и пора было возвращаться на работу.

«АНАПА» ДЛЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Всего лишь эпизод)

Разумеется, никто не мог даже предположить или в страшном сне увидеть то, что живёт последний год в привычной с детства стране. Всё рушилось и сыпалось, обесценивалось и превращалось в бесконечный дефицит. Весна, к тому же, оказалась вполне обыкновенной. Почки в положенный час привычно распустились на ветвях деревьев и кустах, и радостный птичий гомон на полную мощность доносился из них.

Май в Воронеже, последний месяц накануне первых в истории выборов президента РСФСР, выдался особо тёплым, по-южному щедрым на солнце. Картину несколько не испортили один-два недолгих дождя, и всё, безвозвратно установилась прекрасная погода. Только полки в магазинах всё больше пустели, и конца этому не виделось.

С середины весны тут и там в бесконечных очередях в редкие ещё сохранившиеся по всей стране винно-водочные магазины можно было услышать примерно одно и то же:

– Слыхали? Бориска наш, будто пьяным, возвращался ночью от какой-то бабы и с моста в речку рухнул?!

– Ага, а воды там чуть больше ему по пояс было!..

– Брехня! И так всё ясно: наверняка КГБэшная работа. Типа покушения. Боятся, что он такой авторитет у народа набрал, вот и мутят. Он же наш, из работяг! Что хошь ему теперь приклеют! Провокация, словом. Нашенский он, не сомневайтесь. Ведь ещё пацаном шухарным был, не то с патронами, не то с гранатой баловался и палец потерял!

– Да уж, за кого ещё голосовать-то, за «плачущего большевика» Рыжкова, что ли? Или за Жирика, как чёрт из коробочки, выскочившего по шелчку Кремля? Нет, только Ельцин за нас, надо всем его поддержать, кровь из носа – быть ему нашим президентом!

Где-то часа за два до начала митинга к площади Ленина прикатили огромную автоцистерну с прицепленной ещё одной дополнительной ёмкостью, под завязку заполненные креплёной «Анапой». Тотчас развернулась бойкая торговля в приносимую разнокалиберную тару – ещё бы: всего-то четыре рубля за литр! От желающих отбоя не было, но обошлось без лишней толкотни, никто никуда не торопился, всем должно было хватить. И то, подобных цен давно не видели, да и вино оказалось хорошим, девственно чистым, безо всяких рационализаторских добавок, к которым все давно привыкли. То есть, вовсе не гадостью, которой из года в год заливали страну ещё задолго до начала ретивой антиалкогольной кампании. Словом, вовсе не тем, что, по мнению знатоков, больше годилось для покраски заборов.

Для наглядности: в тот год на Воронежском железнодорожном вокзале в любое время суток гарантированно можно было приобрести из-под полы полулитровые бутылки сорокоградусной настойки «тархун» за десять рублей. Желтоватое пойло имело сомнительный знакомо травный привкус, но за неимением лучшего пилось без боязни сильно болеть на следующий день – безымянный энтузиасты проверили и рекомендовали всем страждущим товарищам. Нечто наподобие оригинального народного абсента позднего советского периода борьбы за трезвость.

Удивительно, но привычной милиции на площади и в её окрестностях не наблюдалось ни в виде обычных нарядов, ни омона, без которого не обходился в последние годы уже ни один митинг или демонстрация в городах страны. Правда, перед самым началом собрания всё же увидели двух безоружных парней мирного

вида в милицейской форме. Им сразу без очереди нацедили по трёхлитровой банке вина и насовали в руки подвернувшейся закуски. После чего они целеустремлённо не замедлили безвозвратно раствориться в окружающем предвыборном пространстве за густыми кустами Кольцовского сквера. Да и не было в них никакой необходимости, люди пришли сюда не бузить, а встретиться с оппозиционным кандидатом в президенты России.

Трибуну заранее соорудили у Никитинской библиотеки.

Главным стало ожидаемое всеми выступление гостя из Москвы, на которого возлагалось столько надежд. Странно, что при таком невиданном стечении народа, да ещё без присутствия бдительной милиции не произошло никакой давки. То есть, подобия примерно того, что описал классик русской литературы, когда государь всея Руси вздумал кидать в голодную толпу на Ходынском поле пирожные.

При некотором воображении такими «пирожными» могли показаться слова, произносимые с трибуны. Выступавший поделился понятным всем своим видением будущего России, не обманув чаяний собравшихся. Не лишённая некоторого косноязычия и штампов, но пересыпанная простыми народными выражениями речь, оказалась резким контрастом ставшим привычно непонятными многочасовым докладам Горбачёва. Этого ждали, на это надеялись. Наверняка сейчас многим на площади вспомнились слова Виктора Цоя, спетые несколько лет назад в фильме «Асса»: «Перемен, мы ждём перемен!». И вот, похоже, их чаяния начинали сбываться. Надо для этого только поддержать из всех сил единственного ИХ кандидата!

Когда у самой трибуны появился заботливо кем-то продвинутый мальчик с букетом пионов. Борис Николаевич замолчал и наклонился за цветами. И тут собравшиеся начали неуверенно, вразнобой, затем всё громче и слаженнее выкрикивать: «Ель-цин!», «Ель-цин!», «Ель-цин!».

Не прошло и двух минут, как уже тысячи разогретых энтузиазмом и «анапой» голосов мощно скандировали, заглушая всё вокруг: «Ель-цин! Ель-цин!». Стало ясно, что нет больше силы, могущей изменить столь наглядно предрешённый выбор народа. Пожалуй, теперь уже никто на площади не сомневался, что перед ними действительно будущий народный президент России.

Восторженные воронежцы дружно взметнули вверх руки, чтобы передать дальше, покотившуюся со всех сторон волну цветов. Уже в центре толпы цветы эти полетели через головы немногочисленной охраны к ногам выступавшего, устилая асфальт перед сценой сплошным ковром.

Но вкус «анапы» и восторга от обещаний московского гостя быстро развеялся у воронежцев. Массовые увольнения, свёртывание производства с разрывыванием оборудования, обнищание семей в результате бесчеловечных гайдаровских реформ и приватизаций привели к тому, что в последующие годы Воронеж оказался в «красном поясе», то есть среди тех районов, где большинство голосовало уже за коммунистов, а не за называвших себя демократами. Но, оказалось поздно, «поезд ушёл», история не терпит сослагательного наклонения. Даже известный всей стране завод «Видеофон», выпускавший советские видеомagnetофоны и телевизоры, позже превратили в склад с арендой помещений. Авиазавод, выпускавший прежде сверхзвуковой пассажирский «ТУ-144», известный всем по картинке на пачке болгарских сигарет, перевели на трёхдневную рабочую неделю. Его сотрудникам, чтобы выжить, пришлось становиться «челноками» и розничными торговцами на рыночных развалах. Дешёвую «Анапу» в автоцистернах в Воронеж больше не привозили. Да и первого президента России после распада СССР воронежцы могли увидеть только по телевидению.

Елена КОТОВА

Нижний Ингаш

Здравствуйте. Меня зовут Елена Котова. Я родилась и выросла в г. Красноярске. В 2014 году переехала жить в пгт. Нижний-Ингаш, потому что всегда мечтала жить там, где жили мои дедушка и бабушка и мама... Моя мечта сбылась. У меня двое детей, Арсений и Марк. Я разносторонняя натура, я художник. Создаю цветы из шелка, люблю петь и, как оказалось, могу даже писать стихи. Я все делаю с душой, с любовью. Песни которые я пою-отражают мою личность, а стихи-это струны моей души.

ОЗЕРА

Озера синие как, зеркала земли
В блестящей глади звезды отражают
Созвездий горсть в воде своей купают
И нежный всполох млечного пути

Озера темные, холодные глаза
Глядят и плачут волнами моргая
Глядят, и песню тихо напевают
И вод глубоких полнится слеза

Озера томные, в них тысяча морей
В себе все воды мира собирают
Что наши беды, боли понимают
И нет воды добрей и нет нежней

Озера синие, как зеркала земли
Возьмите все тревоги и печали
Меня вы очень часто выручали
Души покой и сердца сберегли

НАТУРА

Кто я, кто я в своём обличьи
И я ли это, может и не я
Как хочется от всех найти отличие
Свою натуру четко отделя

Смотрю я в зеркало и взглядом вопрошаю
Кто ты? Что молча смотрит на меня
Быть может там живет совсем другая
Меня зловеще в сторону гоня

Себя я вижу в ярком отраженьи
Могу принять, а может быть прогнать
И прибывая в этом наважденьи
Хочу себя скорее отыскать

СЕСТРА

Кто нежною рукою обласкает
Слезу украдкой пряча от меня
Кто дыры на душе мой латает
Скажу я не скрывая, не тая

Сестра моя, что в сердце проживает..
Не с временной пропиской, как друзья.
А навсегда, она со мной... встречает
Все радости, невзгоды не деля

И в час, в минуту, и в одно мгновенье
Я знаю есть опора у меня
Моя сестра, как будто отраженье
Ведь так она похожа на меня

Сестра моя, сестра, моя отрада
Поближе будь ко мне всегда... всегда
Нужна ли мне другая???
Нет... не надо...
Ведь, что едино, разделить нельзя

ЧТО Я МОГУ ОСТАВИТЬ В ЭТОМ МИРЕ

Что я могу оставить в этом мире
Когда к себе Всевышний призовет
Ведь жизнь бурлит, проходит в странном пире
И каждый кто что сможет соберет

Оставляю я любовь к родным и близким
А может полотно своих картин
Цветов из шелка радостных и чистых
Стихов душевных длинный палантин

Так хочется свой след в сердцах оставить
Чтоб не исчезнуть, не стереть себя
Своих душевных дел свечу заплавить
В свои свершенья близкого влюбя

Пусть стих звучит, моей души отрывок
Пусть красок взмах застынет на холсте
Цветов букет, истории обрывок
В такой земной и теплой простоте

Увы, безгрешных в мире не бывает
Но длинный сложный путь в миру пройдя
Нас тихо жизнь когда-то покидает
В свершенья наши близкого влюбя

МОЙ КРАЙ

Зажглись поля цветами огоньков,
А рядом синевою медуницы
И маленьким шмелям совсем не спится
Лишились своих кротких тихих снов

В тиши лесной услышу крыльев взмах
И гомон насекомых над полями
Услышу шёпот нежных летних трав
Заговорю с пушистыми шмелями

А солнышко обнимет теплотой
И марево окутает дремотой
С души и сердца сброшу все заботы
Как хорошо мой милый край с тобой

А вечером искринками закат
Над спящим полем ярко пламенеет
Вечерний ветер тихо душу греет
Надежду дарит в небе звездопад

АХ, КАК ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ Я ДОМОЙ

Ах, как хочу вернуться я домой
Вернуться... и вдохнуть тот свежий воздух
Что пахнет прелюю травой
И медом распустившихся черемух

Смородины пьянящей аромат
И сена золотого в сеновале
И аромат, что дарит нам закат
Который на заваленке встречали

Ах, как хочу вернуться я домой
Пусть скрипнет тонко дверца палисада
И бабушка окликнет « мой родной»
И ручкою помашет мне из сада

И мать, услыша, побежит ко мне
Отбросив ящички с зеленою рассадой
За это всё готов отдать я всё
Ведь только это в жизни мне и надо

ДОРОГА ДОМОЙ

Смотрю я из окна. Течет река
Зеленых трав, цветов , кустов, деревьев
Я мчусь домой, лечу издалека
В родное место в старенькой деревне

Как сладко видеть зелень по весне
Родных берёз, ольхи, печальной ивы
И речки маленькой разливы
И уточку , что дремлет на волне

Как нежно рвёт души моей струну
Родное поле, желтые купавки
Узор лесной, болотца, травки
В зеленом море этом я тону

Печаль и радость в сердце разольется
Вот это чувство сложно объяснить
В моей груди отчизны сердце бьется
Нельзя меня с отчизной разделить

ПРАВДА

Как трудно правду иногда сказать
Вот так, в лицо, напрямую, без опломба
Еще труднее правду умолчать
Внутри держать, терзать
До боли, до метаний, до озноба

Но это пониманье той души
Что берег справедливости познала
Что истины ни йоту не украдала
И не считает лживости гроши

Пусть правдою распну, убью, пораню
Зато останусь честною с собой
Возможно, кто-то бросит злости камень
Но правды горькой щит всегда со мной

ПРОШУ Я СВЫШЕ

Моей души смятенья унеси...
Осенней меланхолии метель...
Не дай терзаньям яростно расти,
Да не заполнится печалью купель...

Что наполняется из часа в час
Тревожностью и смыслом бытия...
И мыслями «так всё же для чего»?
Ну для чего на свете я?

Метанья мыслей, чувств в моей больной душе..
А может не больной.... вполне здоровой...?
Прошу я свыше , Господи, дай мне!!
Осмыслить всё.. осмыслить все, что есть по-новой...

Как хочется родиться еще раз
Чтоб без грехов пройти свой путь терновый
Прошу я, Господи, дай мне
Осмыслить все.. осмыслить все, что есть по-новой.

ТРАВЫ

Я тихо прошепчу траве осенней
Прошу тебя, ты все еще живи
Не увядай так рано.. слишком рано
Прошу тебя ты жизнь свою продли

И каждый лист, что тихо увядает
Как будто нам тихонечко твердит
Ведь все уходит, да, в природе так бывает
И в жизни существует свой черед

И мы как травы в мае оживаем
И летом расцветаем, как цветы
А осенью, как травы засыпаем
В надежде, что опять проснемся мы

ЗАБЕРИ МЕНЯ МАМА ДОМОЙ

Забери меня мама домой,
От бомбежек, речей пулеметов
От сгоревших полей... самолетов
Что бросают на землю снаряд

Забери меня мама домой
От родной и далекой чужбины
От обстрелов жестоких лавины
Каждый час все новый заряд

Забери меня мама домой
Пусть найдут меня в поле далеком
Среди братьев моих одиноких
Что на том же поле лежат...

Забери меня мама домой
Обними меня нежно руками
И своими омой слезами
Я засну, там где предки лежат

МНОЮ ПРОЖИТЫЙ ПУТЬ

Кипрей мой розовый, мой милый друг
Туманом нежным по полям клубится
И цвет мышиного горошка плотно вкрут
Вокруг усадьбы, в небо все стремится

Тропинка старая, травую поросла
И борщевик собою нос щекочет
А вот сосна, давно уж проросла
И воробей по веткам резво скочет

Я вижу бабушку, у грядки наклоняясь
Трепещут руки, радуя рассаду
Улыбка светлая, глаза добром искрятся
Дают тепло, души дают усладу

Ах, где мой завтрак хлеб и молоко
В цветастой милой старой жёлтой кружке
И бабушка так радостно, легко
Все обнимает в старенькой светлушке

И вроде жизнь отмеряла года
И седина волос моих коснулась
Себя ребенком помню навсегда
Ведь в детстве жизнь во мне проснулась

И счет уж потерял своих я лет
Намеренно, ранимо, нарочито
И старый детский мой велосипед
Хранит с собою мною путь прожитый.

ФЕСТИВАЛЬ - ЭТО ВСЕГДА ПРАЗДНИК

19 июля в Нижнем Ингаше состоялся традиционный ежегодный Прохоровский фестиваль авторов исполнителей и любителей поэзии «Встаёт рассвет над Нижним Ингашом». В этом году он прошел в двенадцатый раз и собрал совсем юных – пятилетних и возрастных 70+ участников.

И среди них те, кто уже неоднократно принимал участие в фестивале, и те, кто стал его участником впервые. Но неизменным был состав жюри: Сергей Тимофеевич Прохоров, Екатерина Сергеевна Данкова и Мария Николаевна Козлова, которым предстояло из 44 номеров выбрать лучшие в двух номинациях «Мой поэт» и «Лейся, песня». Участники конкурса читали стихи и пели песни местных авторов и собственного сочинения.

Среди зрителей, пришедших на фестиваль, не было случайных людей, все они – любители поэзии и знатоки творчества местных авторов. Дружными аплодисментами ими было поддержано решение жюри о признании лауреатом фестиваля этого года Елену Котову, которая исполнила песню собственного сочинения.

В номинации «Мой поэт» в возрастной категории до 14 лет победителем стал Владислав Агеенко, прочитавший стихотворение С.Т. Прохорова «Рубаха войны». А в возрастной категории от 15 лет и старше победу праздновала Ольга Разногозова со стихотворением С.Т. Прохорова «Есть село с названием

Тины».

В номинации «Лейся, песня» первое место заняла автор песни «Война наших душ и тел» Жанна Кузьмина (аранжировка Игоря Завадского). Специальный приз Сергея Тимофеевича новый журнал «Истоки» получила Юлия Капитанова.

Фестиваль – это всегда праздник. И по словам самих участников - встреча с поэтическим словом подарила им отличное настроение, помогла отвлечься от повседневной суеты и погрузиться в мир красоты и вдохновения

Нижнеингашская администрация

ФЕСТИВАЛЬ «ВСТАЁТ РАССВЕТ НАД НИЖНИМ ИНГАШОМ» ОТКРЫЛ НОВЫЕ ИМЕНА

Прохоровский фестиваль авторов-исполнителей и любителей поэзии «Встаёт рассвет над Нижним Ингашом» открыл новые имена. Лауреатом фестиваля стала Елена Котова из Нижнего Ингаша. Она исполнила свою авторскую песню и прочитала стихи, покорила сердца зрителей и членов конкурсной комиссии. С победой автора поздравил поэт-песенник, журналист и издатель Сергей Тимофеевич Прохоров.

В Прохоровском фестивале «Встаёт рассвет над Нижним Ингашом» приняли участие 44 автора

Истоки Прохоровского фестиваля, который в Нижнеингашском районе проходит в двенадцатый раз, следует искать в далёком 1968 году.

Именно тогда при редакции газеты «Победа» был создан литературный кружок «Родник», объединивший под своим крылом талантливых авторов: Григория Желудкова, Николая Толочкова, Николая Ерёмину, Владимира Корнилова и многих-многих других. И, конечно, достойное место среди них заняли сотрудники редакции – журналисты районки Сергей Прохоров и Екатерина Данкова.

– Это были удивительные люди и удивительные встречи, – вспоминает Екатерина Сергеевна, – Мы были в постоянном творческом поиске, спорах, благодаря чему рождались потрясающие стихи и проза. И первыми нашими читателями были, конечно, читатели «Победы». Людям нравилось, и внимание к нашим литературным страничкам было повышенным. Мы научили земляков любить русское слово, работать с ним и не бояться писать. Писать грамотно, красиво, художественно. Поэтом появление

Прохоровского фестиваля вполне закономерно. Его популярность не угасает и по сей день, а количество участников только растёт.

В этом году участников фестиваля было свыше сорока. Своё творчество они представили в двух номинациях – «Лейся, песня» и «Мой поэт». На сцену выходили и совсем юные таланты, и те, кто предан слову уже очень давно. Они читали стихи и пели песни местных авторов и собственного сочинения.

Единогласным было решение жюри о признании лауреатом фестиваля «Встаёт рассвет над Нижним Ингашом» Елены Котовой. Автор с большой любовью говорит о природе, милых сердцу родных просторах. Да и сам голос Елены завораживает – вибрирующий, певучий и проникновенный. Bravo!

В номинации «Мой поэт» в возрастной категории до 14 лет победителем стал Владислав Агеенко, от 15 и старше – Ольга Разногузова. Первое место в номинации «Лейся, песня» заняла Жанна Кузьмина. Специальный приз Сергея Тимофеевича Прохорова – новый журнал «Истоки» – из рук мэтра получила.

Ирина Стружкова

Фото В.Митина